

ФЕОДАЛИЗМ БРИТАНСКОГО КАПИТАЛИЗМА: ПОЛИТЭКОНОМИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ» ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

С. Г. МАЛКИН

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная
академия, г. Самара*

e-mail: malkins@samtel.ru

В статье анализируются представления британских чинов о политэкономии Горной Шотландии первой половины XVIII в. в связи с решением «Хайлендской проблемы» Великобритании: умиротворением, модернизацией края и укреплением лояльности горцев Ганноверской династии и правительству в Лондоне.

Ключевые слова: Великобритания; Горная Шотландия; «Хайлендская проблема»; феодализм; империя; политика знания; интеллектуальная колонизация; модернизация.

Феодализм как насущная социально-экономическая и политическая проблема, требующая своевременного осмысления и разрешения, представляет собой на удивление устойчивую и характерную приметку Нового времени. В век глобальных империй многочисленные колониальные случаи неизбежно ставили перед имперскими службами вопрос о социально-экономической и политической природе колонизируемых обществ. В контексте такой интеллектуальной традиции усилия британских комментаторов по изучению природы и характера феодально-клановых отношений в Горной Шотландии в первой половине XVIII в. представляются необходимой интеллектуальной практикой эпохи. Аналитики модерна активно формулировали модернизационную альтернативу развития Горного Края¹. Как и их контрагенты в Европе в эпоху Просвещения и глобальных империй, они занимались поиском общей модели человеческого развития, решая частные задачи колониальной / имперской политики².

Особый интерес в данном случае вызывают не только побудительные мотивы интеллектуальной колонизации Горной Страны. Не менее важно, как (и почему именно так) этот «последний» оплот феодализма на Британских островах воспринимали в остальном Соединенном Королевстве в первой половине XVIII в.? Анализ академической практики как практики имперской, а риторических приемов как инструментов интеллектуальной колонизации, позволяет приблизиться к пониманию многих аспектов британского общества и государства в этот период³. Цель предлагаемых штудий, соответственно, заключается не в том, чтобы приуменьшить значение присваивающей перспективы в представлениях британских комментаторов о Хайленде, как используемом Соединенным Королевством «Другом», и масштаб негативной стереотипизации Горной Страны в первой половине XVIII в. Представляется необходимым скорее исследовать вопрос о том, являлось ли изучение феодализма в Горной Шотландии исключительно функцией имперских практик Лондона в этот период, или оно само по себе стимулировало их выработку и обеспечивало им теоретическое обоснование.

Не менее важно ответить на вопрос о том, какова интеллектуальная традиция презентаций и репрезентаций феодально-клановых отношений в Хайленде, чтобы более

¹ Апрыщенко В. Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов н/Д, 2008. С. 191–238.

² Среди исследований такой административной этнографии в рамках Британской империи см., напр.: Bickham T. *Savages within the Empire: Representations of American Indians in Eighteenth-Century Britain*. Oxford, 2005; Galloway C. G. *White People, Indians and Highlanders*. Oxford, 2008.

³ Концепция внутренней колонизации давно и безуспешно применяется британскими коллегами в изучении истории Горной Шотландии в рамках Британской империи, напр.: Hechter M. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966*. London, 1975; Withers C. W. J. *Gaelic Scotland. The Transformation of a Culture Region*. London and New York, 1988; Ellis S. G. *Why the History of “the Celtic Fringe” Remains Unwritten // European Review of History: Revue europeenne d’histoire*, 10:2, 2003. P. 221–231. В отечественной британистике такая традиция изучения взаимодействия Лондона и его шотландской гэльской окраины еще не сформирована. Исключением являются единичные недавние исследования (без прямого употребления понятия «внутренняя колонизация»): Апрыщенко В. Ю. Указ. соч. С. 163–173; Малкин С. Г. «Мятежный край Его Величества»: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб., 2011.

независимо от романтической, национальной шотландской и имперской британской историографических традиций изучать этот вопрос и его ангажированные интерпретации в сочинениях современников данной эпохи, более предметно и ближе к источникам анализируя отношения между Великобританией и ее шотландской гэльской окраиной.

Славная революция 1688 г. ускорила политическое единение «британского архипелага». Однако революционному устройению и протестантскому престолонаследию предстояло прежде закрепиться в Горной Шотландии. Изгнанный король Англии и Шотландии Яков II(VII) Стюарт призвал кланы Хайленда выступить за дело «законной династии». Обращение бывшего суверена к вождям и магнатам Горного Края за вооруженной поддержкой отчетливо обозначает не только границы реальной власти Лондона и Эдинбурга в Шотландии в конце XVII – первой половине XVIII вв., но и пределы социально-экономических и политических традиций и практик Хайленда.

При этом и до, и после заключения в 1707 г. между Англией и Шотландией унии представление о горцах Шотландии как всегда готовых выступить многочисленной и обученной армией, позволяло вождям и магнатам претендовать на особое место в политической системе королевства, правительству в Лондоне исчерпывающим образом объяснять свою пассивность в весьма дорогостоящем, длительном и рискованном для политических карьер деле «умиротворения» и «цивилизации» Горной Страны, а королевским министрам в Париже и Мадриде строить амбициозные планы вторжения на Британские острова и оправдывать свои внешнеполитические усилия, направленные против Британской империи. Поскольку основными комментаторами реалий Горного Края выступали представители местных сообществ, то не удивительно, что с точки зрения понимания ее содержания Лондон при Вильгельме Оранском и Анне Стюарт едва ли продвинулся за «Хайлендский рубеж». Подлинная интеллектуальная колонизация Хайленда началась уже при Ганноверах.

При этом предполагалось не только встраивание «Хайлендской проблемы» в британскую систему идеологических координат, но и накопление достоверных сведений, способных обеспечить правительство надежной информацией в процессе реформирования Горной Страны. В этом смысле примечательно, что правительство сэра Роберта Уолпола дважды перестраховалось в процессе сбора необходимых сведений об этой мятежной окраине, не только поручив летом 1724 г. генерал-майору Джорджу Уэйду, назначенному вскоре командующим королевскими войсками в Шотландии, перепроверить на предмет достоверности отчет Саймона Фрэзера, лорда Ловэта, вождя клана Фрэзер, о состоянии Хайленда от того же 1724 г., но и предложив в том же 1724 г. Джеймсу Эрскину, лорду-клерку юстиции как лорду Грэнджу, составить мемориалы на все ту же заданную Лондоном тему о положении в Горной Шотландии⁴.

Во-первых, были разграничены феодальная система и клановые отношения в Хайленде. Лорд Грэндж отмечал: «Когда... были утверждены феодальные обычаи, магнатство и вассалитет привели к иной и сильной зависимости... При этом горцы больше привязаны к вассалу, ...на земле которого они проживают, чем магнату [сюзерену] этого вассала... Приверженность клану и вождю идет еще дальше...»⁵. Сведения лорда Ловэта подтверждали эти выводы. Когда он в качестве вождя вернулся в 1715 г. в родную Шотландию, то отозвал из лагеря графа Мара под Пертом, «где стояла армия мятежников», большую часть своих клансменов, которые, «услышав, что их вождь собирает людей своего имени в Горной Стране,... присоединились к лорду Ловэту»⁶. Информация, собранная генералом Уэйдом, в свою очередь, установила, что данные вождя Фрэзеров не противо-

⁴ Fraser S. Memorial Addressed to His Majesty George I concerning the State of the Highlands, 1724 // Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. Edinburgh, Glasgow and London, 1822. P. 254–268; Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750. Vol. I / Ed. by J. Allardyce. Aberdeen, 1895. P. 131–146; Erskine J. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland. Edr., 29 Decbr., 1724 // National Archives of Scotland. Mar and Kellie Papers. GD 124/15/1263/1; same. A Continuation of the Account of the Highlanders and Highlands. Edr., 2 Jan., 1725 // Ibid. GD 124/15/1263/2; same. Memorial concerning the Highlanders, Sheriffships, Vassalages and etc. 1 [2,3]. Edr., 14 [21,25] Jan., 1725 // Ibid. GD 124/15/1264/1 [2,4].

⁵ Erskine J. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland. Edr., 29 Decbr., 1724... P. 3.

⁶ Fraser S. Op. cit. P. 255–256.

речат положению вещей, установленному самим командующим королевскими войсками в рамках разведывательной миссии в Хайленде, чей военный потенциал был представлен магнатами и вассалами, а также вождями и кланами, причем вассальная зависимость была обозначена в отношении каждого учтенного «племени»⁷.

Во-вторых, юридические тонкости феодально-клановых отношений в Горной Шотландии представляли для правительственных комментаторов значительно меньший интерес, чем для таких легалистов, как преподобный Джон Уилсон. Более значимым виделось влияние феодализма и клановости на политическую жизнь Горной Страны, Шотландии, Соединенного Королевства и Британской империи (подразумевая угрозу вторжения на Британские острова с опорой на мятежников армий иностранных держав). Для генерала Уэйда феодализм и клановость в Горном Крае представляли собой, прежде всего, механизмы военной мобилизации⁸. Лорд Ловэт, являясь вождем, рассматривал феодально-клановые отношения, в первую очередь, как пространство патронажных практик по укреплению лояльности Лондону в Хайленде⁹. В сочинениях лорда Грэнджа архаичная политэкономия Горной Шотландии представляла объект масштабного реформирования края, начиная с проведения новых административных границ и заканчивая формированием новой британской идентичности в Хайленде¹⁰.

В-третьих, характерно, что привлеченные правительством в 1724 г. комментаторы выступали за практическую возможность и необходимость использования феодально-клановых отношений как организационной основы милиции в Горной Шотландии. И если в отношении генерала Уэйда и лорда Ловэта это вполне очевидно, то для лорда Грэнджа такая хайлендская политика, несмотря на модернизационный запал его отчетов и мемориалов, также была вполне допустима: на начальном этапе реформирования Горного Края «преданных и лояльных горцев разоружать не следует», поскольку «лояльный подданный может оказаться без оружия среди врагов»¹¹.

Таким образом, интеллектуальная колонизация Хайленда представляла собой практику не только ментального освоения «чужого» пространства, но и его вполне реального, фактического, а не номинального подчинения Лондону, благодаря эффективному экспертному знанию (носившему, в силу заинтересованности авторов в успехе их аналитического предприятия, в некоторой степени субъективный характер) и квалифицированной интерпретации изучаемых фактов (не лишенной определенной ангажированности по указанным выше причинам). Следовательно, интеллектуальная колонизация представляла собой, вместе с тем, еще и срез имперского мышления эпохи, отражая модели имперской экспансии (как с точки зрения правительства, так на взгляд некоторых претендовавших на особое место в управлении Горной Шотландией представителей местных сообществ).

Середина 1720-х – середина 1740-х гг. в плане существования в британском модернизационном дискурсе (как неотъемлемой части юнионистского и имперского дискурсов) «Хайлендской проблемы» представляла собой время немногих лишенных внимания публики сочинителей, мемориалы, памфлеты и рапорты которых были единичны, привлекали внимание Лондона лишь на короткое время, а в части реализации содержащихся в них предложений по реформированию феодальных отношений в Горной Шотландии откладывались, за их радикализмом и сложностями исполнения в долгий ящик правительства. Однако, именно в это время «специалисты по Хайленду» сумели плодотворно освоить описываемую ими реальность, создав относительно непротиворечивую систему знаний об этой мятежной окраине. При этом они не только продемонстрировали приверженность практическому подходу, но и придали ему некоторую степень академической респектабельности, приводя свои соображения в соответствие с формирующимися в эпоху Просвещения традициями научного комментирования.

⁷ Wade G. Op. cit. P. 143–145.

⁸ Ibid. P. 132.

⁹ Fraser S. Op. cit. P. 265.

¹⁰ Frskine J. Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc.: of Scotland. Fdr. 14. Janr. 1725. 1... P. 1.

¹¹ Ibid. P. 3.

Не на всех направлениях интеллектуальной колонизации Хайленда эта задача была решена с равным успехом, но в целом была создана «научная дисциплина», адекватная задачам властей в окружавшей их в Горном Крае действительности. Была создана признанная властями и обществом система легитимации комментирования реалий Горной Шотландии в форме интеллектуальной колонизации в юнионистском и модернизационном ключе с применением практик имперского дискурса, отлажен механизм создания и административного (про)движения таких аналитических текстов, сформулированы основные направления анализа политэкономии «Хайлендской проблемы», включая феномен феодализма, по мнению авторов хайлендских штудий, еще крепко державшийся в шотландских горах. В последующем британская аналитика, касавшаяся Горной Шотландии, переживала изменения, связанные и с актуальными обстоятельствами последнего мятежа якобитов, вновь поддержанного в Горной Стране, и с формированием значительно более решительного и последовательного курса правительства в отношении реформирования Хайленда, но они уже не затрагивали главных жизненных принципов и стиля комментирования социально-экономической и политической реальности Горной Шотландии.

Кроме того, именно в 1720 гг. происходит своеобразное смещение центра интеллектуальной колонизации Горного Края от преимущественно вождей и магнатов к преимущественно правительственным чинам и сторонникам «завершения» Унии 1707 г., активно конструировавшим за счет горцев образ коллективного «Другого» по отношению к остальным жителям Соединенного Королевства, и формировавшим таким образом юнионистскую британскую идентичность, бывшую, конечно, еще и имперской. Вместе с тем, данные аналитические комментарии маркируют этапы расширения присутствия Лондона в Горной Стране, учитывая, что процесс интеллектуального освоения Хайленда, сопровождавший и предвосхищавший его активное реформирование после 1746 г., продолжился с представления ответственным чинам тех же сочинений, что и в 1724 г.

Характерной чертой дискуссий о феодализме в Горной Шотландии после подавления в 1746 г. последнего мятежа якобитов, поддержанного в Горной Стране, являлось продолжение дискурсивных практик предыдущего периода. Вместе с тем, хотя сочинения, составленные по заказу правительства, в идеологической части следовали устоявшимся представлениям, в них уделялось более пристальное внимание практическим рекомендациям ликвидации феодализма, клановости и наследственной юрисдикции¹². В целом они органично дополняли друг друга, формируя общий благоприятный для правительства информационный фон решения «Хайлендской проблемы», отвечавший потребностям британского современного государства, нуждавшегося не только в объяснительных схемах присутствия Лондона на этой гэльской окраине, ради укрепления Унии используя образ «чужой» Горной Страны. Чтобы она стала «своей», требовались квалифицированные знания, имевшие отношение не столько к идеологии формировавшейся британской нации, сколько к конкретной социально-экономической и политической практике.

Британская модернизация уверенно формировала имперскую альтернативу развития Горной Страны, которая раскрывалась на разных уровнях интерпретации особенностей ее политэкономии как допустимые и приемлемые в рамках британского общества первой половины XVIII в. рационализм, материализм и либерализм. Ценностный вектор этой модернизации неизменно был направлен в сторону Лондона. Следовательно, мятеж против власти – регресс *apriori*. При таком понимании общественного развития неудивительно, что внимание комментаторов было сосредоточено, прежде всего, на разрушительных сторонах мятежа и тех обстоятельствах, которые ему предположительно содействовали в Горном Крае – на феодальном праве, клановых отношениях и наследственной

---

¹² Anne W. Memorial Concerning the Disaffected Highlands [вложено в: Anne W., the Earl of Albemarle. Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh, November 15, 1746] // Albemarle Papers. Being the Correspondence of William Anne, Second Earl of Albemarle, Commander-in-Chief in Scotland, 1746-1747. With an Appendix of Letters from Andrew Fletcher, Lord Justice-Clerk, to the Duke of Newcastle, 1746-1748 / Ed. by C. S. Terry. Vols. I–II. Aberdeen, 1902. P. 305–311; Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands [вложено в: Fletcher A., Lord Justice-Clerk for Scotland. Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747] // Albemarle Papers... P. 480–492.

юрисдикции. На языке модернизации мятеж не прочитывался и всегда казался «протоестественным» и даже случайным.

Не стоит забывать, однако, что и в практической части мемориалы и рапорты, затрагивавшие тему хайлендского феодализма, не оставляли ему иного места, кроме как временного института, способного облегчить процесс мобилизации лояльных Лондону горцев до тех пор, пока изменения в крае не позволят отказаться за ненадобностью от сотрудничества с местными вождями и магнатами. Ни в сфере идеологии, ни в области политической практики в британском государстве первой половины XVIII в. феодально-клановым отношениям, препятствовавшим «завершению Унии» и, тем самым, нарушавшим целостность новой британской нации, формирование которой являлось еще и имперским проектом, не было места¹³. Готовность правительственных чинов и агентов мириться с ними объяснялась тактическими соображениями, тем более что последние так или иначе были осведомлены об упадке традиционных форм преданности в Горной Шотландии и снижении их мобилизационных возможностей под давлением все большей коммерциализации социальных отношений к северу от Грэмпианских вершин.

FEUDALISM OF THE BRITISH CAPITALISM: POLITICAL ECONOMY OF THE «THE HIGHLAND PROBLEM» OF GREAT BRITAIN IN THE FIRST HALF OF THE XVIII C

S. G. MALKIN

*Samara State Academy of Social
Sciences and Humanities*

e-mail: malkins@samtel.ru

The article analyses the views of the British officials about political economy of the Highlands of Scotland in the first half of the XVIII c. in concern with the decision of the «The Highland Problem» of Great Britain: appeasement, modernization of the region and facilitation of loyalty towards the Hannover dynasty and the Government in London.

Keywords: Great Britain; Highlands of Scotland; «Highland Problem»; feudalism; empire; politics of knowledge; intellectual colonization; modernization.

¹³ Представление о преданности горцев вождям, впрочем, оправдывало рекрутирование горцев в армию уже с началом Семилетней войны: Dziennik M. The Fatal Land: War, Empire, and the Highland Soldier in British America, 1756–1783. Vol. I. Ph. D. thesis. University of Edinburgh, 2010. P. 33–37, 52–65.